

**Политические, криминальные и деловые связи
в Грузии и Кыргызстане
Сравнительный анализ**

Александр Купатадзе

Соискатель степени кандидата наук (PhD) в Школе международных отношений при Университете Св. Андрея (Великобритания). Исследователь Центра социальных исследований при Американском университете в Центральной Азии (Кыргызстан)

Вступление

«Цветные революции» на постсоветском пространстве Евразийского континента вызвали оживлённую реакцию со стороны международного сообщества; их называли «демократическими процессами» или «четвёртой волной демократизации». Однако, всё ещё предстоит определить «демократичность» произошедшего, а также и то, насколько уместно использование слова «революция». К примеру, после «революции роз» в Грузии в 2003 г. произошло резкое ухудшение ситуации с правами человека, включая невиданное ранее давление на свободу СМИ. После «революции тюльпанов» в Кыргызстане в 2005 г. в стране наблюдается повышение общего уровня коррупции и организованной преступности. Более того, остаётся неясным, в самом ли деле произошёл значительный отрыв от прошлого, в особенности в Кыргызстане.

На фоне постреволюционного хаоса правительству Кыргызстана пришлось столкнуться с проблемой незаконного захвата земель и предприятий частного бизнеса.¹ По имеющимся данным, в дни революции более чем 1300 частным фирмам и компаниям был нанесён материальный ущерб на сумму порядка одного миллиарда сомов (около 24 миллионов долларов).² Следует отметить, что повышение уровня насилия, убийство

---

¹ Т. Койчуманов Т., Дж. Оторбаев и Ф. Старр. Кыргызстан: путь вперёд. Издано в рамках Программы Шёлкового Пути, ноябрь 2005 г., Институт Центральная Азия – Кавказ, стр. 17

² Кыргызстан вспоминает день «Справедливость восторжествовала», *Институт по освещению войны и мира*, Новости Центральной Азии, выпуск 439 от 20 марта 2006 г.

депутатов парламента с последующими массовыми протестами с требованиями об отставке Премьер-министра Кыргызстана не имеют аналогов в случае с Грузией. Были убиты три депутата Парламента Кыргызстана и один из сильнейших борцов страны, которого застрелили в январе 2006 г., что, по всей видимости, стало результатом заказного убийства.³

В августе 2005 г. первый заместитель Министра внутренних дел Кыргызской Республики подтвердил повышение уровня преступности со времени революции, подчеркнув, что «старое руководство не знает, как управлять по-новому... а новое руководство пока не полностью контролирует ситуацию».⁴ Ряд лиц с широкой криминальной репутацией выразили заинтересованность в участии в государственной политике.⁵ Премьер-министр Кулов также высказывался о связях между криминальными группами и правоохранительными органами.⁶

В Грузии же был принят новый закон о борьбе с коррупцией, несколько законов были приведены в соответствие с американским актом «О подпавших под влияние рэкетиров и коррумпированных организациях»⁷ и итальянскими законами о борьбе с мафией. В соответствии с новым законодательством уголовной ответственности подверглись «воры в законе», была предусмотрена конфискация незаконно приобретённого имущества, принадлежащего профессиональным преступникам. Как следствие, многие «воры в законе» попали в места лишения свободы, на рассмотрении находится ещё более 127 уголовных дел.⁸ Было изъято имущество некоторых влиятельных криминальных авторитетов, включая Шакро Калашова. По данным Министерства внутренних дел, в ближайшее время будет наложен арест на имущество более 16 «воров в законе».

---

³ Страх за свободу слова в Кыргызстане, *Институт по освещению войны и мира*, Новости Центральной Азии, выпуск 431 от 22 января 2006 г.

⁴ Цитата из публикации «Кыргызстан – колеблющееся государство», Отчёт 109 по Азии от 16 декабря 2005 г., стр. 16

⁵ Э. Марат, Влияние наркоторговли и организованной преступности на функционирование государства в Кыргызстане и Таджикистане, ежеквартальное издание Китайский и Евразийский форум, Том 4, выпуск 1, Институт Центральная Азия – Кавказ и Программа исследований Шёлкового Пути, февраль 2006 г., стр. 98

⁶ Цитата из публикации «Кыргызстан – колеблющееся государство», Отчёт 109 по Азии от 16 декабря 2005 г., стр. 17

⁷ Акт «О подпавших под влияние рэкетиров и коррумпированных организациях», федеральный закон принятый в 1970 г. в США

⁸ Интервью с сотрудниками милиции, август 2006 г., Тбилиси, Грузия

В данной статье рассматривается различие между ситуациями в двух странах. В ходе исследования были поставлены следующие основные вопросы: почему уровень организованной преступности в Кыргызстане после революции резко вырос, а в Грузии наблюдается обратное? Почему перераспределение имущества в Кыргызстане проходило насильственным путём, а в Грузии – нет? В работе делается акцент на связях между политическими, криминальными и деловыми кругами в Грузии и Кыргызстане, а также рассматривается влияние «революций» на эти связи. Можно сделать вывод о том, что сила (или слабость) политической оппозиции по отношению к «дореволюционным» элитам, нестабильность политической ситуации и участие организованной преступности в «революционных» процессах в основном обусловили «постреволюционное» развитие обеих стран.

«Революция роз» и «революция тюльпанов»

Как «революция роз», так и «революция тюльпанов» рассматривались в качестве «движения по борьбе с коррупцией». Основной причиной мобилизации масс против правящего класса стала безудержно растущая коррупция, клановость и глубоко укоренившаяся организованная преступность, в результате чего был свергнут старый режим, а на его место пришли лидеры оппозиции. Таким образом, по своей сути «революция» должна была ознаменовать активную борьбу с преступностью и коррупцией со стороны новой власти.

В аналитических целях «революция роз» и «революция тюльпанов» будут рассматриваться не как революции, а как смена режима. Под режимом понимается формальная и неформальная организация центра политической власти, а также взаимоотношения этой власти с широкой общественностью. В зависимости от режима определяется, кто располагает доступом к политической власти, и как власти предержащие относятся к тем, кто не у власти.⁹ Специалисты по странам переходного периода разграничивают первую и вторую фазы переходного процесса. В ходе первой фазы происходит отход от авторитарной формы правления, в ходе второй – становление

---

⁹ Р. Фишман. Переосмысление государства и режима: переход к демократии в Южной Европе, Мировая политика, выпуск 42, апрель 1990, стр. 428

демократии.¹⁰ Условия, при которой становится возможной вторая фаза переходного процесса, помогают объяснить ситуацию в Грузии и Кыргызстане, что в данной статье называется «переходом после перехода». Тем не менее остаётся неясным, приведёт ли переход к новому режиму в этих странах к упрочению демократии. По словам одного из кыргызских учёных, «прошло несколько лет, и пока трудно судить о том, была ли это в самом деле революция. Следует принимать во внимание долгосрочные последствия».¹¹

Важным фактором, оказавшим существенное влияние на изменения в мире организованной преступности после «революции» стало то, насколько активно представители криминалитета были вовлечены в «революцию». В то время как роль нескольких влиятельных представителей криминального мира и наркобаронов в подготовке и финансировании антиакаевских выступлений весьма очевидна, в Грузии такого рода участие сохранялось на низком уровне. К примеру, один из представителей криминального мира, который помог в организации антиправительственных митингов в Кутаиси на западе Грузии, был назначен заместителем мэра города вскоре после «революции».¹² С другой стороны, пресловутые преступники и ключевые участники «революции тюльпанов» в Кыргызстане Рыспек Акматбаев и Байман Эркинбаев добились беспрецедентной власти и влияния после «революции».

Некоторые аналитики рассматривали «революцию тюльпанов» как борьбу между проакаевскими региональными клановыми и семейными группами, которые вместе представляли политико-экономическую элиты, с одной стороны, и другими региональными кланово-семейными группами, которые чувствовали себя обделёнными долей политической и экономической власти.¹³ По мнению специалистов, это событие скорее представляло собой «перестановку в рядах элиты, которая пришла на место неэффективному и недостаточно решительному режиму Акаева».¹⁴ По имеющимся сведениям, при поддержке ряда политических деятелей с юга, и в частности советника

---

¹⁰ Г. О’Доннелл, «Переход, непрерывность и парадоксы» из публикации С. Мэйнваринга, Г. О’Доннелла, Д. Валензуэлы *«Проблемы становления демократии: сравнительный анализ новых демократических режимов в странах Южной Америки»*, издательство Университета Нотр-Дам, 1992, стр. 18

¹¹ Интервью с Бакытом Бешимовым, Вице-президентом Американского университета в Центральной Азии, 3 мая 2006 г., Бишкек, Кыргызстан

¹² Интервью с одним из сотрудников Аппарата Омбудсмана в Грузии, август 2006 г., Тбилиси, Грузия

¹³ Д. Нихол, *Переворот в Кыргызстане: Процессы и последствия*, Служба исследований Конгресса, 14 апреля 2005 г.

¹⁴ С. Блэнк, «Слабость Кыргызстана и безопасность Центральной Азии», аналитический обозреватель «Центральная Азия – Кавказ», среда, 1 ноября 2006 г.

президента Усена Сыдыкова, в ноябре 2004 г. Бакиеву удалось возглавить блок оппозиционных сил. По заявлениям другого лидера оппозиции Розы Отунбаевой, Бакиев был неофициально выдвинут самым старшим политическим деятелем с юга Кыргызстана Абсаматом Масалиевым.¹⁵

Большинство респондентов в Кыргызстане, с которыми разговаривал автор статьи, высказались о том, что события марта 2005 г. очень сильно напоминали государственный переворот. Следует отметить, в Кыргызстане не наблюдается проведения коренных реформ или существенных изменений. Ситуация в Грузии иная; однако, она также сказывается на настроении людей и указывает скорее на «перестановку в рядах элиты», чем на радикальный отход от прошлого.

Суть грузинской «революции роз» также является предметом спора. Некоторые эксперты, особенно из правовой сферы, утверждают, что имел место государственный переворот¹⁶, хотя в стране наблюдаются значительные изменения во всех сферах общественной жизни, идёт осуществление реформ, некоторые из которых весьма успешны. К примеру, в 2004 г. ВВП Грузии повысился с 3937 до 5091 миллиона долларов, а в 2006 г. экономический рост составил 9.4 %, ¹⁷ в то время как в Кыргызстане в 2005 г. наблюдался спад ВВП, уровень которого вырос всего на 2.7 в 2006 г. (по сравнению с ростом на 7.0 в 2004 г.).¹⁸ В результате Кыргызстану не удалось справиться с экономическими проблемами, и в марте 2006 г. правительство обратилось к международным финансовым институтам, выразив готовность присоединения к программе ХИПИК¹⁹, что поставило Кыргызстан в один ряд с беднейшими странами Африки.²⁰ Можно сделать вывод, что ситуация в Грузии весьма улучшилась, в то время как экономический рост в Кыргызстане замедлился.

«Революции» в Грузии и Кыргызстане имели место после нечестных парламентских выборов, в результате чего в Грузии состоялись новые выборы, а за

---

¹⁵ Э. Марат, 2006, стр. 90

¹⁶ См. Л. Эсадзе, «Грузинская революция роз: народная антикоррупционная революция? Взято из Л. Шелли и др., «Организованная преступность и коррупция в Грузии», изд-во «Раутледж», 2007, готовится к выходу

¹⁷ Информация о Грузии, экономические показатели;
http://www.investinggeorgia.org/georgia/economic_indicators

¹⁸ Интервью с Рафхатом Хасановым, представителем Инвестиционного совета при Президенте Кыргызской Республики, 29 марта 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

¹⁹ Проект «Бедных стран с высоким уровнем внешней задолженности» (англ. НРС)

²⁰ Кыргызстан в борьбе с большими долгами, Институт по освещению войны и мира, Новости Центральной Азии, выпуск 440

старым парламентом в Кыргызстане были закреплены все полномочия легитимного законодательного органа. Как следствие, некоторые «криминальные авторитеты остались на свободе, продолжая пользоваться депутатской неприкосновенностью».²¹ Парламент Кыргызстана состоял из приближённых бывшего Президента Аскара Акаева и местных властных лиц, связанных с нелегальным бизнесом и организованной преступностью, которые просто купили депутатские мандаты.²² Новая политическая элита отказалась от идеи роспуска преимущественно проакаевского парламента. Такого рода мера могла повлечь за собой ухудшение ситуации с безопасностью внутри страны ввиду хороших связей некоторых парламентариев с представителями организованной преступности.²³ Таким образом новой власти, принявшей решение о сохранении полномочий старого парламента, удалось избежать дальнейшего ухудшения ситуации на политической арене.

В Грузии состоялись повторные парламентские выборы. Следует отметить, что результаты голосования по мажоритарной системе не были аннулированы, и депутаты городских советов, избранные в ноябре 2003 г., сохранили за собой свои мандаты. По некоторым неподтверждённым данным, следствием стало то, что некоторые парламентарии могут быть связаны с Тариэлем Ониани, влиятельным «вором в законе».²⁴ Большая бизнес-группа в Грузии, состоящая из бывших представителей криминального мира, которая становится всё сильнее в финансовом плане после «революции», связана как минимум с одним из членов парламента Грузии благодаря личным контактам.

В Кыргызстане около 5-10 депутатов Жогорку Кенеша связаны с группами организованной преступности, выступая их непосредственными лидерами или предоставляя «крышу».²⁵ По разным подсчётам, не менее 10 парламентариев и двух высокопоставленных чиновников связаны с организованной преступностью.²⁶ После того, как Президент Бакиев подверг парламента критике, обвинив его в коррумпированности и заявив, что он мешает работе его аппарата, в начале 2006 г. ушёл в отставку спикер

---

²¹ Революция криминальных авторитетов, *Life/Kommersant Daily*, 26 октября 2005 г.; www.kommersant.com

²² С. Корнелл, «Наркоугроза в Большой Центральной Азии: от преступно-террористических связей к проникновению в государство?» Ежеквартальное издание Китайский и Евразийский форум, Том 4, выпуск 1, Институт Центральная Азия – Кавказ и Программа исследований Шёлкового Пути, 2006, стр. 64

²³ Э. Марат, 2006, стр. 99

²⁴ Высказывание бывшего губернатора Имеретии в газете «Ахали Таоба», 13 января 2004 г.

²⁵ Интервью с кыргызскими экспертами, март-май 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

²⁶ Интервью с милиционером, 27 марта 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

парламента.²⁷ Парадоксальным является тот факт, что некоторые сотрудники Аппарата Президента сами связаны с организованной преступностью.²⁸

Безусловно, реформы в Грузии сопровождались рядом проблем и имели свои «побочные эффекты». Двумя ключевыми проблемами, напрямую связанными с темой данной работы, стали 1) роспуск шестнадцатитысячной армии милиционеров без предоставления каких бы то ни было социальных пособий, многие из которых позже вступили в ряды организованной преступности²⁹; 2) ухудшение ситуации с правами человека.³⁰ Правозащитные организации часто освещали случаи арестов преступников с «подброшенными» наркотиками или оружием, имевшие место после «революции». С другой стороны, значительно возросла эффективность системы уголовного правосудия в деле борьбы с преступностью, что позволило правоохранительным органам завоевать доверие со стороны населения.³¹ В общем, доверие государственным институтам, и в частности силовым структурам, является залогом успеха в борьбе с организованной преступностью.

Кадровая политика, проводимая «постреволюционными» властями, также имела свои изъяны. Назначение на государственные должности на основе nepoтизма и личных симпатий остаётся проблемой в обеих странах. Более того, правительство Грузии, которое часто называют «детским садом», очень молодое и неопытное. Зачастую новые государственные чиновники недостаточно компетентны для решения проблем. Более того, члены движения «Кмара» («достаточно»), сыгравшие важную роль в «революции роз», и малообразованные сторонники новой правящей партии заполнили среднее звено власти вскоре после «революции». В отличие от членов движения «Кмара» в Грузии, членов молодёжного движения «Кел-кел», выступавшего против режима Акаева, в правительстве

---

²⁷ У Кыргызстана новый спикер, Институт по освещению войны и мира, Новости Центральной Азии, выпуск 437, март 2006 г.

²⁸ Интервью с кыргызскими экспертами, март-май 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

²⁹ Дополнительную информацию можно найти: А. Купатадзе, Г. Сирадзе, Г. Митагвария, «Полиция и полицейская реформа» в публикации «Организованная преступность и коррупция в Грузии», изд-во «Раутледж», 2007, готовится к выходу

³⁰ Например, см. Отчёты по правам человека по странам, Грузия, 2006, <http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2006/78813.htm>; а также отчёт Amnesty International, 2007 на <http://thereport.amnesty.org/page/1679/eng/>

³¹ Например, см. результаты общественного опроса Gallup international и GORBI, 2005, Тбилиси, Грузия

крайне мало.³² Зарегистрированы лишь единичные случаи; например, глава молодёжной группы «Кел-кел» стал директором телекомпании КООРТ после того, как она была заново приватизирована.³³ Следует отметить, что власти Грузии превратили государственные учреждения в престижные места работы, благодаря чему удалось пригласить профессионалов с западным образованием. Данная мера помогла обеспечить улучшение работы государственных структур. Ситуация же в Кыргызстане совсем иная. По словам одного из кыргызских экспертов, государственные органы малопривлекательны для молодых людей с хорошим образованием, которые предпочитают работать либо за границей, либо в частном секторе или международных организациях в Кыргызстане.³⁴

На высоком уровне остаются политика назначений на государственные должности и трайбализм.³⁵ По словам многих респондентов, выходцы с юга, в особенности с Баткенской области, где родился сам Бакиев, выдвигаются на ключевые должности.³⁶ Главным отличием между двумя странами является то, что основным определяющим фактором в этой связи в Грузии является преданность новой правящей партии и непотизм, основанный на дружеских и семейных связях, в то время как в Кыргызстане это, в первую очередь, трайбализм, регионализм и взяточничество. Например, по заявлениям журналистов и представителей НПО, неофициальная стоимость кресла министра повысилась от 100 тысяч до 300 тысяч долларов.³⁷ По словам ещё одного лидера НПО, депутаты Жогорку Кенеша получили 300 тысяч долларов за одобрение кандидатуры на высокую государственную должность.³⁸ По другим подсчётам, стоимость кресла судьи составляет около 30-50 тысяч долларов (в зависимости от области и района), сотрудника налоговой службы – 20 тысяч долларов (или 5 тысяч долларов в других областях) и т.д.³⁹ В следующем разделе представлена общая тенденция коррупции в Грузии и Кыргызстане.

---

³² Д. Нихол, *Переворот в Кыргызстане: Процессы и последствия*, Служба исследований Конгресса, 14 апреля 2005 г.

³³ Э. Марат, «Революция тюльпанов: один год спустя», 15 марта 2005 г. – 24 марта 2006 г., изд-во The Jamestown Foundation, 2006, стр. 67

³⁴ Интервью с Эмилем Кальматовым, независимым экспертом, 3 апреля 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

³⁵ Т. Койчуманов Т., Дж. Оторбаев и Ф. Старр. Кыргызстан: путь вперёд. Издано в рамках Программы Шёлкового Пути, ноябрь 2005 г., Институт Центральная Азия – Кавказ, стр. 32

³⁶ Интервью с кыргызскими экспертами, март-май 2007, Бишкек, Кыргызстан

³⁷ Например, см. интервью с кыргызским учёным от 18 апреля 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

³⁸ Интервью с лидером НПО от 5 апреля 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

³⁹ Интервью с представителем «Трансперенси Интернешнл» в Кыргызстане, 10 мая 2007 г.

Коррупция

Эти сообщения наводят на мысль о том, что в Кыргызстане возросло взяточничество, в то время как в Грузии наблюдается противоположная ситуация. Там незначительная коррупция была успешно искоренена,⁴¹ хотя некоторые эксперты считают, что коррупция на высшем уровне по-прежнему является проблемой. В Кыргызстане после «революции тюльпанов» объём и степень взяточничества возросли. Предприниматели, а также представители неправительственного сектора, средств массовой информации и научных кругов сообщают, что сумма нелегальных платежей, запрашиваемых должностными лицами, сейчас стала выше.⁴² Следующие данные международных организаций также подтверждают эти тенденции.

На приведенном ниже графике показаны индексы восприятия коррупции в обеих странах⁴³ в соответствие с данными организации «Трансперенси Интернешнл».

График 1. Индекс восприятия коррупции в Грузии и Кыргызстане

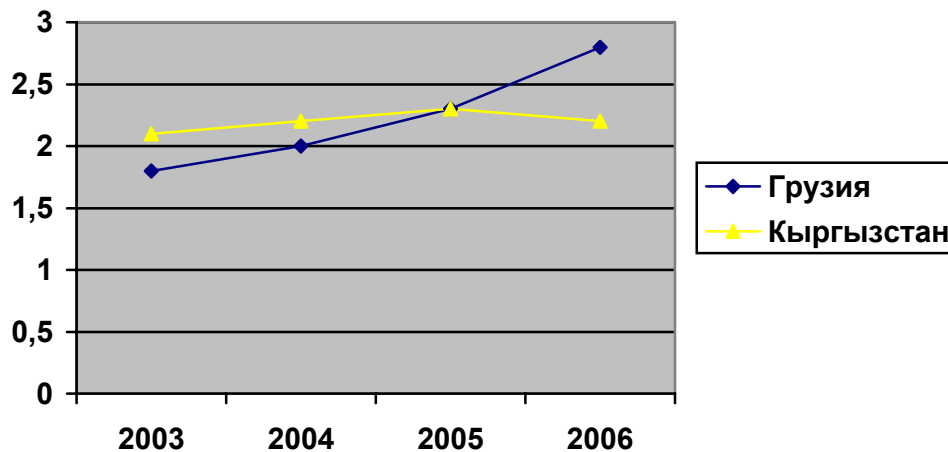

График наводит на мысль о том, что пока в Грузии не произошла революция она являлась более коррумпированной страной, чем Кыргызстан, однако ситуация почти не

⁴¹ Например, см. Долидзе А. А., Более пристальный взгляд на прогресс реформы в Грузии. Опубликовано в Информационной службе экономических реформ, центр международного частного предпринимательства, 31 марта, 2007

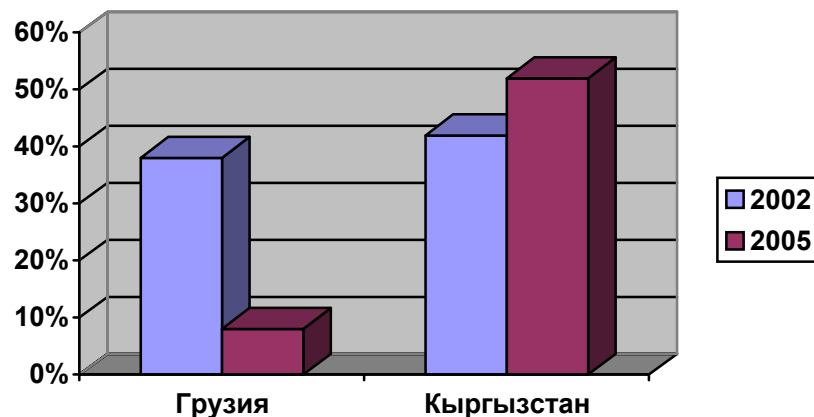
⁴² Интервью с кыргызским экспертом от 18 апреля 2007 г. Бишкек, Кыргызстан.

⁴³ Источник: Transparency International, <http://www.transparency.org/>

изменилась и в Кыргызстане она даже стала хуже, в то время как Грузия с ноября 2003 г. осуществила быстрый прогресс.

Обзор Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) показывает процент фирм, заявляющих, что неофициальные платежи происходят часто, и демонстрирует изменения, произошедшие в двух странах.

График 2. Частота взяточничества в Грузии и Кыргызстане⁴⁴

Таким образом, число неофициальных платежей уменьшилось в Грузии и возросло в Кыргызстане.

В обеих странах были предприняты шаги по борьбе с коррупцией, хотя до разных степеней: в Грузии несколько министров эпохи Шеварднадзе и другие высокопоставленные чиновники были арестованы и обвинены в коррупции и злоупотреблении служебным положением. В этом списке фигурируют бывший министр энергетики, бывший министр транспорта, бывший глава палаты контроля, бывший глава грузинских железных дорог и др. У коррумпированных представителей эпохи Шеварднадзе были конфискованы десятки миллионов долларов США.

В Кыргызстане Генеральный прокурор Азимбек Бекназаров обещал провести полное расследование и вернуть «народу» нелегально приобретенную собственность.⁴⁵ По его оценке коррупция семьи Акаева обошлась экономике Кыргызстана более чем в 50

⁴⁴ ЕБРР, ВЕЕПС (Обследование деловой среды и деятельности предприятий), Грузия, Кыргызстан, 2006

⁴⁵ Кыргызстан: Пошатнувшееся государство, доклад № 109 Азия, 16 декабря 2005 г. стр.4

миллионов долларов, и после революции было возбуждено 80 уголовных дел⁴⁶. Однако никаких реальных шагов предпринято не было, ни одно из дел в отношении высокопоставленных должностных лиц не дошло до суда, и их собственность не была возвращена государству. В отличие от Грузии два главных фактора помешали новому кыргызскому правительству бороться с коррумпированными должностными лицами эпохи Акаева: в первую очередь, оказала влияние «быстрота, с которой предшествующее временное правительство возвратило некоторые лично принадлежащие вещи Акаеву.⁴⁷ Во-вторых, усилия, направленные на борьбу с коррупцией в Кыргызстане, подрываются слабостью или нежеланием администрации Бакаева противостоять криминальным сетям.

Таким образом, проблема коррупции по-прежнему остается вопросом первостепенной важности в Кыргызстане. Самое общее объяснение, подтвержденное большинством респондентов, заключается в том, что новые люди, пришедшие в правительство, «изголодались» по деньгам и пытаются получить как можно больше незаконных доходов. Это усугубляется частой сменой должностных лиц в каждой правительственной структуре. В условиях неопределенности и хронического риска отставки официальные лица пытаются обзавестись состоянием за короткие промежутки времени. Таким образом, кадровая политика властей в сочетании с низкой зарплатой в правительственных учреждениях и отсутствием принципа господства права (юридической базы и возможности обеспечения исполнения законов) создали в Кыргызстане в период после «революции тюльпанов» благоприятные условия для коррупции. С другой стороны, новые власти в Грузии увеличили зарплату правительственным служащим, приняли новое антикоррупционное законодательство и пытаются обеспечить исполнение закона в гораздо более эффективной форме, чем раньше. Однако это также оказало влияние на объем взяточничества – возрос риск оказаться арестованным за злоупотребление служебным положением, и соответственно возросли суммы взяток, вымогаемых у граждан.

Непосредственным результатом «революций» в обеих странах явилась дезорганизация схем коррупции. Однако строго централизованные пирамиды коррупции выжили в Кыргызстане после временного замешательства, в то время как в Грузии

---

⁴⁶ Э. Марат, Тюльпановая революция: Кыргызстан год спустя, 15 марта 2005 г. – 24 марта 2006 г., организация «Джеймстаун Фаундейшн», 2006, стр. 46

⁴⁷ там же, стр. 41

ситуация иная. В Кыргызстане сменились только отдельные лица, а механизмы взяточничества остались прежними. Проще говоря, “одна семья была заменена другой”⁴⁸

В Кыргызстане во время пребывания в должности Акаева схемы коррупции были довольно прямыми. Айдар, сын Акаева, и Адиль Тойгонбаев, зять Акаева, управляли незаконными долями или получали их от большинства действующих в стране компаний. Предполагается, что все нелегальные платежи и подарки в обмен на назначения в правительственные структуры шли Майрам, жене Акаева.⁴⁹ Сообщают, что иностранные компании, планирующие заниматься бизнесом в Кыргызстане, например, добычей золота, также платили Майрам Акаевой для того, дабы заручиться благоприятным решением правительства.⁵⁰ Таким образом, неофициальные каналы нелегальных платежей стали нормой. Сразу же после «революции» эти каналы были временно нарушены и бизнесмены оказались в замешательстве, не зная точно кому, сколько и когда они должны платить регулярные нелегальные доли.⁵¹ Однако впоследствии эти каналы в Кыргызстане были восстановлены. В Грузии спустя месяц после революции в государственной канцелярии появился бизнесмен, принесший взятку, которую ежемесячно платили предшествующим властям. Он пытался найти должностное лицо в новом правительстве, которое примет деньги.

Заслуживает внимания тот факт, что, по словам многих респондентов, статья 303 уголовного кодекса Кыргызстана не работает. Данная статья устанавливает лишение свободы сроком 8–20 лет с конфискацией имущества за «беловоротничковую» коррупцию (взяточничество со стороны представителей государства). Однако по этой статье возбуждены лишь немногие уголовные дела и, по словам юристов, даже еще меньшее их количество дошло до суда.⁵² Этот факт указывает на укоренившуюся связь между политикой преступностью и бизнесом, а также на высокий уровень коррупции в правительственных структурах. Большинство опрошенных считает, что наиболее

---

⁴⁸ Интервью с кыргызскими экспертами, март-май 2007, Бишкек, Кыргызстан

⁴⁹ Интервью с Еленой Авдеевой, главным редактором газеты «Белый Пароход», 28 марта, 2007 г., Бишкек, Кыргызстан.

⁵⁰ См., например, К. Исаев, Восток дело тонкое или лицо кыргызской власти глазами очевидца, Бишкек 2006 г., стр. 41

⁵¹ Интервью с Нуром Оморовым, преподавателя политологии в Кыргызско-российском славянском университете. 18 апреля, Бишкек, Кыргызстан.

⁵² Интервью с Азаматом Керимбаевым, главным штатным юристом Американской ассоциации юристов (ABA CEELI). CEELI – Программа Правовых Инициатив для Стран Центральной Европы и Евразии.

коррупцированными государственными структурами являются таможня, налоговое ведомство и полиция. Иронично, но за первые восемь месяцев 2006 г. департамент по борьбе с должностными преступлениями при Министерстве внутренних дел возбудил лишь 8 уголовных дел против сотрудников таможни и 26 против представителей налогового ведомства. Для сравнения было возбуждено 68 дел против представителей сферы образования, культуры и науки(!).⁵³ Глава этого же департамента заявил: «В Кыргызстане после революции не существует коррупции».⁵⁴ Относительно небольшое число уголовных дел, возбужденных против представителей сильно коррупцированных структур, объясняется двумя главными факторами: во-первых, сотрудники таможни и налогового ведомства обладают связями на высшем уровне (часто в этих структурах работают представители влиятельных семей), которые используются для того, чтобы избежать расследования. Во-вторых, они охотно дают взятки полицейским чиновникам для «решения» вопросов по уголовным делам. Также следует учитывать неконтролируемую коррупцию в системе уголовного правосудия.

Связь между политикой, преступностью и бизнесом (СППБ) до и после «цветочных революций»

Незамедлительным результатом посткоммунистического перехода в недавно появившихся независимых государствах явилось появление и закрепление могущественных политико-криминальных кланов, которым удалось получить контроль над политической и экономической жизнью в этих странах. Советская *номенклатура* смогла удержать власть в посткоммунистический период в большинстве стран. В некоторых республиках после распада Советского Союза ей это сделать не удалось, и она вернулась к власти после небольшого перерыва, как произошло в Грузии после отстранения от должности Звиада Гамсахурдии, бывшего диссидента и демократически избранного президента. В то же самое время могущественным преступникам удалось проникнуть в правительства тайными или явными путями, например, печально известный

---

⁵³ Статистика департамента по борьбе с должностными преступлениями при МВД, получена в мае 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

⁵⁴ Интервью с Манасом Акматбековым, главой департамента по борьбе с должностными преступлениями, МВД, май 2007 г. Бишкек, Кыргызстан

профессиональный преступник, *вор в законе*, Джаба Иоселиани стал помощником президента Шеварднадзе. В Кыргызстане правительственные чиновники прибегли к взаимодействию с преступным миром в середине девяностых годов. Государственные чиновники использовали боссов мафии для запугивания соперников, создавая, таким образом, связь между государством и преступным миром⁵⁵

Приватизация и открытие рынков создали многочисленные возможности для бывших представителей номенклатуры для монополизации влияния над определенными субъектами предпринимательской деятельности. По утверждению одного ученого, бывшие *аппаратчики* превратились в новых *бизнесменчиков*. Подобное явление Холмс называет номенклатурно-гангстерскими сетями.⁵⁶ Другими словами, посткоммунистический переход привел к коллизии между такими понятиями как официальный и неофициальный, законный и незаконный, и различия между легальным и нелегальным бизнесом, политиком, предпринимателем и преступником стали в высшей степени туманными. Другими словами, связь между политикой, преступностью и бизнесом стала нормой. По утверждению Хэндлмена, преступность в постсоветскую эпоху часто является продолжением политики с помощью других средств,⁵⁷ и преступность частного сектора тесно связана с коррупцией в государственном секторе.⁵⁸ Таким образом, политизация экономики и криминализация власти являлись одновременными процессами в бывшем Советском Союзе, и это создало основу для серьезной организованной преступной деятельности. Эти тенденции также подтверждаются значительным присутствием теневой экономики в Грузии и Кыргызстане, особенно в Грузии, поскольку она является одной из богатейших республик СССР и обладает в высшей степени развитой подпольной экономикой. В постсоветский период теневая экономика Кыргызстана составляла приблизительно 25 процентов ВВП в конце девяностых годов по данным официальных источников, однако по оценкам

---

⁵⁵ Э. Марат Связь между государством и преступностью в Центральной Азии: Слабость государства, организованная преступность и коррупция в Кыргызстане и Таджикистане, документ программы по изучению Шелкового пути, Институт Центральной Азии и Кавказа и Программа по изучению шелкового пути, октябрь 2006, стр. 129

⁵⁶ Холмс С. Преступность и коррупция после коммунизма в журнале Конституционное право: восточноевропейское обозрение, подшивка номер 6, номер 4, осень 1997 г.

⁵⁷ Хэндлмен Стивен, Русская «мафия» (организованная преступность), *Иностранные дела*, март-апрель 1994 г., подшивка 73, No 2, стр. 83 (14)

⁵⁸ Холмс С., 1997 г.

неофициальных источников теневая экономика достигла объемов равных официальному объему ВВП.⁵⁹ В Грузии по приблизительным оценкам объем теневой экономики за тот же самый период составляет 85 процентов.⁶⁰ Считается, что на сегодняшний день теневая экономика Кыргызстана составляет 53% ВВП,⁶¹ в то время как в Грузии закон “О противодействии легализации доходов, полученных незаконным путем”, принятый в 2004 г., помог перевести 2,6 процента теневой экономики в легальную экономику только за первый квартал 2004 г.⁶²

В то же самое время следует подчеркнуть слияние политиков и предпринимателей. Предприятия, имеющие прямые (ими владеют) или косвенные (находятся под защитой, которая основана на той или иной модели отношений покровитель-клиент, например на такой как семья/дружба) связи с могущественными политиками находятся в более выгодном положении. Они получают наиболее выгодные правительственные контракты и их не «тревожат» органы правопорядка. Данный тип бизнесменов часто развивает связи и с преступниками, поскольку в условиях нечестной и свирепой конкуренции, а также советского наследия теневых сделок, разногласия часто улаживаются за пределами таких правовых институтов как суды. Таким образом, альянс между политиками и бизнесменами, который часто выходит за границы «законности» уже сделал нормой значительное условие для развития треугольника между государством, рынком и преступностью. Интересным является следующий факт: исследовательская группа Института международных исследований, проводящая обследование с целью выяснить, какие группы в обществе, скорее всего, располагают огнестрельным оружием, обнаружила, что респонденты в Кыргызстане не всегда делают различие между преступниками и бизнесменами.⁶³

---

⁵⁹ Койчуманов Т., Оторбаев Д., Старр Ф.С., 2005, стр.13

⁶⁰ Уильямс Ф. Криминализация и стабильность в Центральной Азии и Южном Кавказе в Оликер О., Зайна Т.С., *Основные причины конфликта в Центральной Азии и Южном Кавказе, последствия для армии США*, RAND, стр. 90

⁶¹ Теневая экономика в Кыргызской Республике: тенденции, приблизительные оценки и возможные варианты политики, ПРООН (Программа развития Организации Объединенных Наций), Бишкек, 2006 г. стр.10 www.undp.kg

⁶² Ш. Мачавариани, Преодоление экономического кризиса в Грузии в Л. Шелли и др., *Организованная преступность и коррупция в Грузии*, изд-во «Раутледж» 2007 г., готовится к выходу

⁶³ Н. Макфарлейн и С. Торджесен, *Стрелковое оружие в Кыргызстане: Постреволюционная пролиферация*, опубликовано «Small Arms Survey», Институт международных исследований, март 2007 г., стр.41-42

В Грузии в этом отношении наблюдаются некоторые перемены, продемонстрированные делом Кобы Бекаури, члена парламента от правящей партии и близкого друга вице-спикера парламента. Коба Бекаури покинул законодательный орган вследствие скандала, связанного с его предполагаемой собственностью. В августе 2005 г. журналист независимой телекомпании был арестован после попытки шантажировать члена парламента Бекаури, от которого он требовал 100 000 долларов США в обмен на то, что в эфир не будет выпущен компрометирующий материал, который предположительно был связан с незаконным приобретением Бекаури долей таможенного терминала «Опиза».⁶⁴ Журналист был заключен под стражу по обвинению в вымогательстве, а Бекаури добровольно вышел из членов парламента под давлением оппозиции, а также давления со стороны представителей правящей партии. Подобным шагом власти желали продемонстрировать, что больше не будут мириться с влиятельными политиками, незаконно занимающимися бизнесом. Однако и по сей день многие члены парламента и правительственные чиновники имеют частный бизнес, который часто руководится их близкими родственниками или подставными лицами. В Кыргызстане приблизительно 70-80 процентов членов Жогурку Кенеша владеют собственным бизнесом.⁶⁵ Несмотря на дебаты в кыргызском парламенте законопроект о гласности в отношении финансовой отчетности компаний и о конфликте интересов так и не были приняты.⁶⁶ Самым наглядным примером смешения политики, бизнеса и преступности является структура собственности печально известного рынка города Кара-Суу на юге. Трое членов парламента (все связаны с преступными группировками на юге), жена покойного наркобарона (она тоже работает в политическом секретариате одной крупной оппозиционной политической партии), дочь крупного должностного лица в судебной системе и близкая родственница должностного лица высшего уровня.⁶⁷

Таким образом, нечеткая граница между политикой и бизнесом, постсоветское наследие неофициальных сделок, укоренившаяся коррупция внесли значительный вклад в развитие связи между политикой, бизнесом и преступностью в исследуемых странах. В

---

⁶⁴ Интернет-журнал «Гражданская Грузия» (Civil.ge), 30 августа, 2005 г.
<http://www.civil.ge/eng/article.php?id=10642>

⁶⁵ Интервью с кыргызскими экспертами, март-май 2007 г. Бишкек, Кыргызстан

⁶⁶ Г. Глисон, Рынки и политика в Центральной Азии, структурная реформа и политические изменения, изд-во «Раутледж», 2003; стр. 73

⁶⁷ Интервью с экспертами, журналистами и наблюдателями, март-май 2007 г. Бишкек, Кыргызстан

соответствии с теоретической рамкой, разработанной Роем Годсоном, факторы, катализирующие или замедляющие образование и развитие связи между политикой, бизнесом и преступностью, разделяются на три группы: политическую, экономическую и социальную.⁶⁸ Эти группы факторов объясняют относительную стойкость СППБ в Кыргызстане и противоположную ситуацию в Грузии.

Во-первых, политические факторы включают такие переменные как конкурентоспособность государств, слабость/сила бюрократии, присутствие/отсутствие тех или иных институтов в период предшествующий современному, персоналистические системы и/или системы патронажа, распространенность неофициальных механизмов в принятии решений и т.д. Нежелание или неспособность правительства бороться с укоренившимися криминальными сетями заметны в Кыргызстане, в то время как правительство Саакашвили продемонстрировало решимость бороться с организованной преступностью. Однако следует отметить, что в Грузии эта борьба носила избирательный характер, поскольку появились многие новые группировки с криминальным прошлым, имеющие связи с новыми элитами, а в Кыргызстане усилия по противостоянию СППБ почти не предпринимаются. Стрейндж утверждает, что когда “установившаяся иерархия власти в государстве рушится” или же “когда соперничающая (не государственная) власть авторитета воспринимается как угроза государству... тогда политика государства превращается из политики сосуществования в политику подавления”.⁶⁹ Шульте-Бокхольт подобным же образом утверждает, что если услуги организованной преступности “больше не будут требоваться или будут восприниматься как угроза, элиты непременно обратятся против организованной преступности, используя власть государства”.⁷⁰ Последнее утверждение имеет прямое отношение к Грузии, а слабость же элит Кыргызстана привела к союзу «революционных сил» с представителями организованной преступности. Другими словами, услуги деятелей преступного мира использовались и продолжают использоваться политическими элитами в Кыргызстане, в то время как в Грузии со времен «революции» это сотрудничество не носит систематического характера, и ограничиваются единичными случаями.

---

⁶⁸ Гордон Р. Угроза обществу: политико-криминальное сотрудничество в мире, Информационный Центр по Национальной Стратегии, США, 2004; стр. 8-15

⁶⁹ Стрейндж С., Отступление государства, изд-во Кембриджского университета, 1996 г., стр. 117

⁷⁰ Шульте-Бокхольт А. Политика организованной преступности и организованная преступность в политике, исследование криминальной власти, изд-во Lexington books 2006 г., стр. 35-36

Таким образом, слабость политической оппозиции Акаеву и относительная сила оппозиции Шеварднадзе является очень важным фактором. Как уже было упомянуто, причина возросшей криминальной активности в постреволюционном Кыргызстане связана с тем, что криминальные элементы играли определенную роль во время революции, и эта роль определялась политической и финансовой слабостью оппозиции президенту Акаеву. Сванте Корнелл утверждает, что наркобароны юга Кыргызстана сыграли решающую роль в появлении народного движения, которое, в конечном счете, и свергло правительство Акаева. Изначально, оппозиция не хотела вставать в одни ряды с деятелями организованной преступности. Но она не располагала существенным запасом денежных средств и не пользовалась широкой популярностью среди важных неофициальных сетей юга страны. К тому же, нехватка четкой структуры в оппозиции дала криминальным лидерам возможность просочиться в движение и обеспечить финансовую или материально-техническую поддержку, например с помощью своих военизированных формирований под видом клубов боевых искусств – клубов борьбы «Алиш» (традиционный реслинг). После нечестных выборов были собраны 2 000 молодых людей из этих клубов, и в течение 25 дней их должным образом настраивали. Они штурмовали правительственные здания в Джалал-Абаде и Оше.⁷¹ С другой стороны, союз между Саакашвили, Бурджанадзе и Жвания в Грузии располагал значительными политическими и финансовыми ресурсами для противостояния правящему режиму.

Относительная сила новых элит и закономерная решимость правительства также помогают объяснить отсутствие насилия, связанного с перераспределением трофеев в «постреволюционной» Грузии, в то время как в Кыргызстане вследствие перестановок было уничтожено несколько важных криминальных и политических деятелей. Например, «постреволюционный» передел рынка Кара-Суу в Ферганской долине вылился, по крайней мере, в 3 заказных убийства людей, связанных с этим рынком. 10 июня член парламента Жыргалбек Сурабалдиев, один из успешных бизнесменов в Кыргызстане, владелец двух авторынков, был убит в Бишкеке.⁷² Представитель Министерства

---

⁷¹ Корнелл С.Е. 2006 г., стр. 64

⁷² Газета Дело N 23(600), 15 июня 2006 г.

внутренних дел заявил, что это убийство имеет отношение к перераспределению собственности.⁷³

В Грузии и Кыргызстане имеется общий механизм перераспределения собственности. В обеих странах бизнесмены, связанные с новыми элитами и некоторые представители политических элит (к ним относятся, в том числе, близкие родственники и друзья новых властей) пытались получить желаемые активы (и во многих случаях преуспели) посредством «рук государства», используя правительственные структуры и действуя от имени государства. Таким образом, некоторая собственность, которая принадлежала друзьям прежних элит, перешла в руки друзей новых элит. Однако в Кыргызстане властям не удалось взять инициативу в свои руки, и перераспределение трофеев происходило с полным участием негосударственных субъектов, среди которых были криминальные группы: в первую очередь, отдельные представители политических элит использовали негосударственных субъектов для получения своей доли трофеев, и, во-вторых, значительная часть перераспределения происходила под руководством самих негосударственных субъектов, правительство было неспособно или же не желало играть какую-либо роль. Таким образом, процесс, по большей части, не регулировался теми или иными официальными правилами, и почти каждая передача доли являлась результатом неофициальных переговоров, коррупции, насилия и угрозы насилия.

С другой стороны, в Грузии новые политические элиты играли ключевую роль, процесс перераспределения был более централизованным, представители высшего уровня бюрократии контролировали его и принимали в нем участие. Саакашвили продемонстрировал решимость в перенационализации незаконно приватизированной собственности. Для Грузии более характерной является новая квази-легальная роль государства: те, кому удалось сохранить свой бизнес, были обязаны произвести большие выплаты новому правительству. Значительная часть денег, выплаченных бизнесменами за свои прошлые проступки, направлялась в недавно учрежденные специальные государственные фонды, операции которых были далеко не прозрачными и подотчетными. Утверждается, что часть денег отошла новой правящей партии, остальное пошло на финансирование различной внебюджетной деятельности. Кроме того, бизнесмены постоянно сообщают о давлении со стороны государства. Следовательно, в

---

⁷³ Интернет-газета «Тазар», 24 мая 2007 г., <http://www.tazar.kg/news.php?i=3514>

постреволюционной Грузии был введен в действие «государственный рэкет», в то время как профессиональные преступники, такие как воры в законе, утратили способность вымогать деньги у бизнесменов. Таким образом, наиболее значительным отличием здесь является то, что процесс перераспределения в Грузии «управлялся» новыми властями в большей степени, чем в Кыргызстане, где значительная часть сделок оставалась в тени; негосударственные, и среди них криминальные группировки, играли решающую роль. Это являлось одной из серьезных причин крупномасштабного насилия, связанного с перераспределением трофеев в «постреволюционном» Кыргызстане.

Во-вторых, экономические факторы включают присутствие/отсутствие нелегальных рынков в сочетании со “спросом на нелегальные товары и услуги, усилиями по удовлетворению этого спроса”. К этим факторам относятся уровень эффективности и “скорость, простота и конфиденциальность”, предоставляемых услуг (на основании этого криминальные организации и их сподвижники признают оправданной деятельность действующих субъектов), а также плохая работа правительственных институтов.⁷⁴ По-прежнему продолжающаяся контрабанда через зоны конфликта в Абхазии и Южной Осетии способствует распространности СППБ в Грузии. Незамедлительным результатом «розовой революции» и последовавших закономерных реформ в Грузии стало уменьшение организованной контрабанды. Несколько значительных субъектов, таких как коррумпированные полицейские чиновники в грузинской полиции и партизанские группы, были вскоре устранены из цепей контрабанды. Однако на внутреннем рынке Грузии спрос на контрабандную, и, следовательно, более дешевую продукцию остался таким же. В результате увеличилась мелкая контрабанда, чтобы удовлетворить спрос. Однако возрастающее число арестов бывших и действующих полицейских по фактам контрабанды указывает на то, что этот важный субъект контрабанды появляется снова.⁷⁵ Один из полицейских чиновников, уволенный в связи с предполагаемым участием в контрабанде был позднее снова назначен на более высокий пост в грузинском правительстве. То же самое происходит и в Кыргызстане, где члены Жогорку Кенеша вместе с преступниками владеют долями на региональных и центральных базарах и, следовательно, заинтересованы в поддержании контрабандной

---

⁷⁴ Годсон, 2004 г. стр. 14-15

⁷⁵ См: Александр Купатадзе, Влияние розовой революции на контрабанду через Абхазию и Южную Осетию в журнале «Insight Turkey», подшивка 7, No. 4, октябрь-декабрь 2005

деятельности. По крайней мере, один член парламента с юга непосредственно соучаствует в контрабанде, а зять высокопоставленного чиновника вовлечен в контрабанду легальных товаров из Китая, а также в торговлю наркотиками через Кыргызстан.⁷⁶ В условиях крайней бедности населения контрабанда считается «нормальным» явлением: губернатор одного южного региона уговаривал сотрудника финансовой полиции «дать зеленый свет контрабандным товарам», оправдывая свою позицию относительно низкими ценами контрабандных товаров и низкой покупательной способностью населения.⁷⁷

В-третьих, к культурным факторам относится сильная роль семьи и культурных условий. В обществе широко распространено мнение о том, что коррупция «нормальна», а преступники это своего рода культурные герои.⁷⁸ Неофициальные институты, такие как патронаж и клиентелизм, можно отнести к той же самой категории, как и «модели поведения, которые в качестве средств преуспеяния и накопления богатства значительно больше внимания уделяют контактам и любезностям, чем нормам, стандартам поведения или господству права. Подобный культурный климат легко мирится с преступной деятельностью до тех пор, пока это способствует успешному приобретению ресурсов».⁷⁹

Криминальные элементы в обеих странах часто считаются защитниками социальной справедливости. Они участвуют в благотворительной деятельности, уделяя особое внимание строительству религиозных зданий (мечетей в Кыргызстане и церквей в Грузии). Более того, их часто называют местными «Робин Гудами», поскольку многие бедняки получают от них помощь. Такой вид популярности преступников часто заставляет политиков использовать их в своих собственных целях.

Будет нелишним воспользоваться еще одной категоризацией, разработанной Джоном Бэйли и Роем Годсоном. Они проводят различие между «централизованно-системными» и «раздробленными и соперничающими» школами. Первая видит «когерентную, центрально руководимую систему», связывая политическую систему с организованной преступностью, где политические лидеры контролируют сеть сверху вниз, а вторая видит «значительно более подвижный комплексный набор отношений между политической системой и организованной преступностью». В «раздробленной и

---

⁷⁶ Интервью с кыргызским экспертом, 27 марта, 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

⁷⁷ Интервью с сотрудником финансовой полиции, 3 мая 2007 г.

⁷⁸ Годсон, 2004 г. стр.12-13

⁷⁹ Уильямс Ф. И Годсон Р., *Предупреждение организованной и транснациональной преступности* в докладе Преступность, закон и социальные перемены 37: 311-355, 2002 г.; стр. 316-7

соперничающей” системе криминально-политические альянсы являются «динамичными и постоянно меняющимися», и контроль может осуществляться как правительственными чиновниками, так и преступниками.⁸⁰ Обе страны относятся ко второй категории. Здесь “баланс в пределах политико-криминальной связи перемещается то в одну сторону, то в другую. Иногда доминируют политики, иногда преступники. Независимо от того, кто доминирует, коалиция сил оказывает влияние на многие аспекты правительства”.⁸¹ Утверждается, что «вторые переходы» могут произвести двойной эффект: во-первых, это может сместить баланс власти в пользу криминальных элементов, что наблюдается в случае с Кыргызстаном. Во-вторых, верх может одержать государство. На эту мысль наводит случай с Грузией.

В обеих странах неофициальные отношения между правительством и организованной преступностью существовали еще до «революций». Обе стороны часто пересекались, иногда криминальным деятелям даже удавалось приблизиться к политическим вершинам. Примером этого служит случай с Джабой Иоселиани. По одной из версий, в начале девяностых годов продвижением Рыспека Акматбаева занимался сам президент Акаев, и милиция вместе со спецслужбами помогла ему с целью изгнать других преступных деятелей, ужесточить контроль над криминальным миром, а также запугать политических соперников.⁸² За более чем десять лет Акматбаев приобрел могущество и прекрасные финансовые возможности, что поспособствовало его интересу и желанию пойти в политику. После «революции тюльпанов» Акматбаев заявил о своих политических амбициях, сформировал политическую партию «Тынчтык» и был избран в парламент.

Таким образом, с одной стороны, организованная преступность пыталась кооптировать политиков, а с другой стороны, политики стремились пользоваться услугами организованной преступности. Как утверждает Марат, в Кыргызстане обе стороны сотрудничали, когда их интересы совпадали.⁸³ «Революции» нарушили существующий баланс между политическим и криминальным миром, и вследствие

---

⁸⁰ Бэйли д. И Годсон Р., Организованная преступность и способность править в демократических условиях

⁸¹ Гордон Р., 2004 г. стр. 5

⁸² Интервью с иностранным журналистом, 24 мая, Бишкек, Кыргызстан

⁸³ Э. Марат, статья Криминальное государство игры – изучение отношений между государством и преступностью в постсоветском Кыргызстане и Таджикистане в журнале «Джейнс Интеллидженс ревью», февраль 2007 г.

вышеупомянутых причин последний одержал верх в Кыргызстане, в то время как в Грузии организованные преступные группировки действуют с большей осторожностью и стараются не выделяться.

Сохраняющаяся нестабильность политической сцены создала идеальные условия для того, чтобы банды могли продолжать укреплять власть в Кыргызстане. Многочисленные антиправительственные демонстрации привели к возникновению условий, когда многие политики в правительстве, а также в оппозиции, по-прежнему нуждались в услугах криминальных группировок. Марат утверждает, что “сегодня большинство парламентариев для организации массовых демонстраций с целью поддержания своего политического положения способны мгновенно собрать группу численностью от 100 до 400 человек, состоящую из этих спортсменов”.⁸⁴ Местный наблюдатель заметил нескольких криминальных элементов, принимающих участие в демонстрациях в апреле 2007 г., организованных членами оппозиции президенту Бакиеву.⁸⁵ В следующем разделе дается краткий обзор некоторых общих особенностей и различий между криминальными сетями двух стран, а также предлагается теоретический подход, лучше всего объясняющий ситуацию с существующими там группами организованной преступности.

Криминальные сети в Грузии и Кыргызстане

Фактором, оказывающим серьезное влияние на организованную преступность, характерным для Кыргызстана в отличие от Грузии является племенной строй. Он оказал значительное влияние на образование политических, деловых и криминальных сетей в Кыргызстане. В то же самое время имеют место и другие критерии для разделения, например, такие как этническая принадлежность и регионализм.⁸⁶ В Грузии главным образом преобладают этнические и субэтнические отличия, например, абхазские, осетинские и сванетские преступные группировки. Точно также в Кыргызстане имеются чеченские и уйгурские преступные группировки. Решающую роль в организованной

---

⁸⁴ там же

⁸⁵ Интервью с местным наблюдателем, апрель 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

⁸⁶ Следует отметить, что не существует четкого разделения организованной преступности в Кыргызстане между севером и югом

преступности обеих стран играют спортсмены. В составе криминальных группировок часто можно обнаружить добившихся успеха борцов и/или боксеров.

Необходимо отметить, что кланы или племена в Кыргызстане не следует приравнивать к организованным преступным группировкам. Однако можно утверждать, что племенной строй создает благоприятную обстановку для формирования криминальных сетей. По словам большинства респондентов, в Кыргызстане определяющим фактором в образовании криминальных сетей является *землячество*. Оно означает, что люди из одной и той же деревни/племени/региона часто объединяются в нелегальные сети. В Грузии семейные связи также важны, однако более распространены другие “связующие узлы”, такие как «галстуки старой школы» и «дружба».

Однако подход с упором на сети больше всего подходит для объяснения организованной преступности в Грузии и Кыргызстане в качестве противопоставления другим моделям, таким как традиционная модель мафии⁸⁷, которую также называют “моделью крестного отца”⁸⁸ или модель парадигмы рынка, которую пропагандируют Питер Рейтер и Р. Томас Нейлор. Организованную преступность в Грузии и Кыргызстане лучше всего можно понять как “сеть связей”, включающую людей в государственных учреждениях, структуры органов правопорядка, политические партии, деловой сектор и криминальные группировки.⁸⁹ Также можно утверждать, что современная организованная преступность в Кыргызстане не представляет собой «параллельную властную структуру», а действует в союзе с правительством, находясь в симбиотических отношениях с официальными властными структурами. Иногда представители государства больше вовлечены в организованную преступность, чем в чисто криминальные группировки. Государственные и криминальные структуры часто пересекаются и иногда трудно провести границу между представителями криминальных организаций и государства. Например, высокопоставленный чиновник агентства по борьбе с наркотиками обеспечивал *крышу* для торговли наркотиками через северные пути страны до

---

⁸⁷ Уильямс Ф., *Организация транснациональной преступности: сети, рынки, и иерархия* в книге Уильямса Ф. и Влассиса Д., *Борьба с транснациональной преступностью*, изд-во «Франк Касс», 2001 г. стр. 72

⁸⁸ Нейлор Р.Т., *От холодной войне к войне преступности: поиск новой угрозы «национальной безопасности»* в журнале «Транснациональная организованная преступность», подшивка 1, , No 4, зима 1995 г. стр. 39

⁸⁹ Чамблисс, 1988 цитата у А. Шульте-Бокхольта, 2006 г. стр.7

«революции тюльпанов».⁹⁰ В настоящее время предположительно как минимум трое должностных лиц среднего уровня из этого же агентства участвуют в торговле наркотиками.⁹¹

В состав преступных группировок обеих стран часто входят сотрудники органов правопорядка, часто занимающие высочайшие посты. Например, предполагают, что Каха Таргамадзе, министр внутренних дел во времена правления Шеварднадзе, был связан с некоторыми влиятельными грузинскими ворами в законе. В Кыргызстане Рыспек Акматбаев находился под защитой министра внутренних дел, своего кузена из одного и того же племени.⁹² Алмаз Бокушев, лидер карабалтинской группировки также связан с бывшим министром внутренних дел, который сейчас находится в политической оппозиции Президенту Бакиеву, а его брат является членом Жогорку Кенеша от Карабалтинского районного округа.⁹³ Оба брата и криминальный лидер – родственники из одной и той же деревни.

Следующие два случая представляют собой интересные примеры, которые иллюстрируют «природу сети» организованной преступности в Грузии и Кыргызстане.

В группировку Рыспека Акматбаева, обвиненную в различных преступлениях в 2005 г. входило 6 человек. Среди них были Эркин Мамбеталиев и Мурат Жумагулов. Эркин Мамбеталиев - бывший член подразделения особого назначения и сотрудник президентской охраны, позднее ставший работать телохранителем Алмаза Атамбаева, бизнесмена и политика, который в настоящее время занимает пост Премьер-министра страны. Мурат Жумагулов, полковник милиции, занимающий до ареста несколько высоких должностей в Министерстве внутренних дел, включая пост главы уголовного розыска Бишкека и начальника отдела в главном управлении уголовного розыска МВД.⁹⁴

В 2005 г. в Грузии была арестована группа борцов, входившая в состав организованной преступной группировки, возглавляемая влиятельными ворами в законе,

---

⁹⁰ Интервью с Еленой Авдеевой, главным редактором газеты «Белый Пароход», 28 марта, 2007 г. Бишкек, Кыргызстан

⁹¹ Заявление бывшего сотрудника органов правопорядка Кыргызстана во время круглого стола, посвященного проблемам коррупции, май 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

⁹² Интервью с Эдилем Байсаловым, 26 марта 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

⁹³ Личное общение с иностранным ученым, май 2007 г., Бишкек, Кыргызстан; также см. статью в Комсомольской правде, Кто убил Рыспека Акматбаева? 12 мая 2006 г.; <http://www.bishkek.kp.ru/2006/05/12/doc115365/>

⁹⁴ Основной обвиняемый в розыске, 2 июня 2005 г.; <http://www.kg-ordo.net/system/article/printarticle.php?sid=322>

среди которых были Тариэл Ониани, имеющий связи с бывшими полицейскими, такими как Давит Качкачишвили, бывший глава подразделения по борьбе с коррупцией при Министерстве внутренних дел, уволенный после Розовой революции.⁹⁵

Тесные связи криминальных лидеров с органами правопорядка и другими правительственными структурами представляют интерес, но не менее интересными являются их связи с политиками. Как уже было отмечено, несколько членов парламента связаны с организованными преступными группировками. Например, недавно несколько депутатов Жогорку Кенеша написали совместное официальное письмо прокурору Ошской области в защиту пресловутого преступного деятеля.⁹⁶ Кроме того, предполагают, что Аскар Акаев время от времени прибегал к услугам Рыспека. Его несколько раз видели с Рыспеком.⁹⁷ Некоторые респонденты говорят о связях между Баяманом Эркинбаевым, Бермет Акаевой, Айбеком Мирсидиковым, криминальным лидером из Жалалабада, и братом Президента Бакиева.⁹⁹

Таким образом, грузинская и кыргызская организованная преступность действуют в качестве «сетевых структур», используя элитарных представителей политики и бизнеса. При необходимости они могут привлечь в свои ряды кого-нибудь из членов «высшего общества», например, адвокатов, экономистов, банкиров и т.д. Вследствие такой гибкости преступных группировок с ними трудно бороться. Если криминального лидера убивают, на его место приходит другой; если группировка лишилась *крыши*, она найдет другую. Однако, как уже было упомянуто, в постреволюционной Грузии криминальные сети находятся под контролем, в то время как вследствие влияния многочисленных факторов подобное невозможно осуществить в Кыргызстане.

Заключение

---

⁹⁵ Основано на данных специального оперативного департамента Министерства внутренних дел; 2 июля 2005 г

⁹⁶ Газета «Агым», Парламент - покровитель криминальных авторитетов? N 10, 13 февраля, 2007 г.

⁹⁷ Интервью с Эдилем Байсаловым, 26 марта 2007 г., Бишкек, Кыргызстан

⁹⁹ *Депутат парламента Киргизии обвинил брата президента страны в «крышевании» опасного преступника*, 4 июня, 2006 г. <http://www.ferghana.ru/article.php?id=4431>

В приведенной ниже таблице содержится краткий обзор основных переменных, которые, по мнению автора, являются решающими для господства связи между политикой, бизнесом и преступностью или ее ослабления.

Сравнение СПБП после «революций»

	Грузия	Кыргызстан
Сила политической оппозиции правящим режимам во время «революций»	Сильная	Слабая
Роль организованных преступных группировок в «революционных процессах»	Незначительная	Важная
Влияние «дореволюционных» элит в «постреволюционной ситуации»	Слабое	Сильное
Степень смешения политики с бизнесом	Средняя	Высокая
Стабильность политической сцены в «постреволюционной ситуации»	Относительно стабильная	Нестабильная
Перераспределение трофеев	Ненасильственное	Насильственное
Коррупция	Мелкая коррупция сократилась, пирамиды коррупции разрушились	Политическая и административная коррупция осталась прежней и даже выросла в некоторых секторах
Сила организованной преступности	Организованная преступность	Организованная преступность

	старается не выделяться и действует осторожно	становится сильнее, политические амбиции у криминальных авторитетов
Связующие узы	Тайные, основанные, главным образом, на личной дружбе	Явные, основанные на племенных отношениях, кровном родстве, семейных связях и дружбе
Борьба с СПБП	Избирательная	Не ведется

Советское наследие и традиция неофициальных сделок не включены в список, хотя обе эти переменные очень важны. Обеим странам предстоит еще долго иметь дело с укоренившейся связью между политикой, бизнесом и преступностью. Тот факт, что в Грузии могущественную организованную преступность удалось успешно взять под контроль, не означает её полного искоренения, и она вскоре может вновь всплыть на поверхность.